

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Новые анархисты

Дэвид Грэбер

Дэвид Грэбер
Новые анархисты
2002

Скопировано 2018-10-06 с
<https://dumka.be/ru/news/perevod-greber-d-novye-anarhisty>
Оригинал; Перевод с английского: для «Вольной Думки»

ru.theanarchistlibrary.org

2002

то, что они должны сыграть роль источника для великого вдохновения, практически неизбежно.

Оглавление

Глобалистское движение?	7
Миллиардеры и клоуны	12
Анархия и мир	17
Практика прямой демократии	20
Префигуративная политика	23

дения и его более широкого значения для политической практики. Почему, даже когда в капиталистическом сообществе ничтожно мало других, кто поддерживал бы революционную политику, группу, которая более остальных симпатизирует её проектам, составляют артисты, музыканты, писатели и прочие из тех, кто вовлечён в некую форму неотчуждённого производства? Определённо, ведь должна быть связь между действительным опытом того, чтобы сперва выдумывать нечто, а после претворять это в жизнь индивидуально или коллективно, и способностью представлять себе общественные альтернативы – в частности, возможность сообщества как такового, предпосылкой которому служат менее отчуждённые формы творчества? Можно было бы даже предположить, что революционным объединениям всегда свойственно полагаться на своего рода союз между наименее отчуждёнными и наиболее угнетёнными в сообществе; настоящие революции, можно, таким образом, заключить, имели обыкновение случаться тогда, когда эти две категории наиболее широко соприкасались друг с другом.

Это могло бы, по крайней мере, объяснить, почему, похоже, практически всегда в действительности именно крестьяне и ремесленники – или, даже более того, новоиспечённые пролетаризированные бывшие крестьяне и ремесленники – свергали капиталистические режимы; а не те, кто поколениями приучался к наёмному труду. Это могло бы также объяснить чрезвычайную важность участия коренного (туземного) населения в новом движении: такие люди склонны быть одновременно и наименее отчуждёнными, и наиболее угнетёнными людьми на земле. Сейчас, когда новые технологии коммуникаций сделали возможным включение их в глобальные революционные объединения, так же как в местное сопротивление и протесты,

лучший способ сформировать мнение об этих организациях – например, о «Сети прямого действия» («Direct Action Network») – рассматривать их как диаметрально противоположность ограниченным сектантским марксистским группкам; или, если уж на то пошло, ограниченным сектантским анархистским группам⁸. Там, где демократическая центристская «партия» делает упор на выполнении полного и правильного теоретического анализа, требует идеологического единообразия и склонна сочетать эгалитарное видение будущего с крайне авторитарными формами организации в настоящем, они открыто стремятся к многообразию. Дебаты всегда сосредоточены вокруг отдельно взятого плана действий; воспринимается как само собой разумеющееся то, что никто никогда не обратит другого в свои взгляды до конца. Девизом могло бы стать: «Если хочешь действовать как анархист прямо сейчас, твои долгосрочные взгляды – это по большей части твоё личное дело». И это кажется совершенно разумным: никто из нас не знает, как далеко эти принципы могут в действительности завести нас, или как будет выглядеть в конечном итоге сложное сообщество, основанное на этих принципах. Их идеология, таким образом, присутствует имманентно в анти-авторитарных принципах, которые лежат в основе их практики, и один из их однозначных принципов – то, что всё так и должно оставаться.

В конце, я бы хотел привести некоторые из вопросов, поднятых сетями прямого действия в отношении отчуж-

⁸ Те, кого можно было бы назвать анархистскими группами с большой буквы А, такие, скажем, как «Северо-восточная федерация анархокоммунистов», – чьи члены наверняка принимают платформу анархокоммунистов, установленную в 1926 году Нестором Махно – до сих пор существуют, конечно. Но анархисты с маленькой буквы в действительности являются реальным средоточием исторической динамики в данный момент.

Сложно вспомнить какое-то другое время, когда между интеллектуалами и активистами, между теоретиками революции и её практиками пролегла бы такая пропасть. Писатели, годами публиковавшие эссе в духе программных документов для широких социальных движений, которые фактически не существовали, казалось, испытали замешательство, а то и неприкрытое презрение, стоило только первым из них действительно появиться. Особенно возмутительным кажется случай с движением, которое без особой причины определяют как «антиглобалистское», – единственное, которое в какие-то два или три года смогло полностью трансформировать представление об исторических возможностях для миллионов людей по всей планете. Возможно, это произошло по причине полнейшего невежества или излишнего доверия тому, что было почерпнуто из таких откровенно вражеских источников как «Нью Йорк Таймс». Стоит также упомянуть, что большинство написанного, даже наиболее прогрессивными авторами, кажется, совершенно упускает суть движения или редко сосредоточено на том, что сами участники и участницы в действительности считают наиболее в нём важным.

Как антрополог и активный участник – в частности, наиболее радикальной части движения, движения прямого действия – я, возможно, могу прояснить некоторые наиболее распространённые заблуждения; но едва ли эта информация будет с благодарностью воспринята. Во многом недоверие к ней, как я подозреваю, будет вызвано нежеланием тех, кто долгое время воображал себя тем или иным радикалом, смириться с тем фактом, что они в действительности либералы: заинтересованные в расширении личной свободы и добивающиеся социальной справедливости, но не теми способами, что бросили бы серьёзный вызов существованию господствующих институций, наподобие капитала или государства. И даже многие из тех, кто

желал бы стать свидетелем революционных изменений, едва ли были бы совершенно счастливы, столкнувшись с необходимостью принять тот факт, что большая часть творческой энергии для радикальной политики проистекает из анархизма (традиции, которую они до этого по большей части отбрасывали), и что принятие этого движения всерьёз будет означать необходимость уважительного взаимодействия с ним.

Я пишу это как анархист; но в каком-то смысле – учитывая, сколько людей, участвующих в движении, действительно зовут себя «анархистами» и в каком контексте – с несколько непривычной позиции¹. Само понятие прямого действия с его отрицанием политики, призывающей правительства поменять своё поведение, в пользу физического воздействия против государственной власти в форме, которая сама по себе подразумевает альтернативу, – всё это возникает напрямую из либертарной традиции. Анархизм – это сердце движения, его душа; источник большей части того, что в нём есть нового и подающего надежду. В последующем я буду пытаться прояснить то, что, похоже, является тремя наиболее распространёнными заблуждениями о движении: нашу предполагаемую оппозицию тому, что носит название «глобализации»; нашу предполагаемую «насильственность» и нашу предполагаемую нехватку последовательной идеологии. Затем выскажу предположение о том, как могли бы радикально настроенные интеллектуалы провести работу по переосмыслению их собственной теоретической практики в свете всего этого.

¹ Некоторые воспринимают анархистские принципы антисектанства и неокончателности так серьёзно, что именно по этой причине они порой неохотно называют себя «анархистами».

пы после того, как она объединится опять. Инструменты фасилитации используются для решения проблем или для того, чтобы подтолкнуть процесс, если обсуждение увязло. Можно предложить сеанс брейншторма, когда людям разрешается только предлагать идеи, но не критиковать идеи других; или ни к чему не обязывающий неофициальный опрос, когда люди поднимают руки просто для того, чтобы увидеть, какие чувства вызывают у каждого высказанное предложение, но не для того, чтобы принять решение. «Аквариум» используется только в том случае, если мнения глубоко расходятся: можно взять двух представителей с каждой стороны – одного мужчину и одну женщину – и усадить их по центру, в то время как остальные молча садятся вокруг, и посмотреть, смогут ли эти четверо вместе синтезировать свои идеи или выработать компромисс, который они затем могли бы презентовать в качестве предложения для всей группы.

Префигуративная политика

Во многом эта работа все ещё продолжается, и создание культуры демократии среди людей, у которых мало подобного опыта, неизбежно оказывается тяжким и неблагодарным делом, полным разного сорта заминок и фальстартов, но – как может подтвердить почти любой шеф полиции, сталкивавшийся с нами на улице – подобная прямая демократия может быть поразительно эффективной. И очень сложно найти кого-либо из тех, кто в полной мере принял участие в подобном действии, чьё понимание человеческих возможностей не было бы кардинально трансформировано в результате. Одно дело сказать: «Другой мир возможен». Другое дело – прочувствовать это на собственном опыте, как бы краток этот опыт ни был. Возможно,

и пытаются их разъяснить. Зачастую на этой стадии люди в группе вносят «дружественные поправки» в дополнение к изначальному предложению или в противном случае изменяют его, чтобы разъяснить высказанные опасения. Затем, в конце концов, когда приходите к консенсусу, вы спрашиваете: «Есть ли кто-либо, кто желает "блокировать" или "остаться в стороне" от решения?». «Остаться в стороне» означает, что лично я не хотел бы принимать участие в происходящем, но я не мешаю никому заниматься этим. Блокирование – это способ заявить: «Я считаю, что это нарушает фундаментальные принципы и цели, существующие в группе». Оно функционирует наподобие вето: любой один единственный человек может убить предложение на корню, заблокировав его, хотя и существуют способы выяснения, является ли блокирование в самом деле таким уж принципиальным.

Есть разные виды групп. Например, советы делегатов – крупные собрания, которые отвечают за координирование между меньшими «аффинити группами». Чаще всего они проводятся перед и во время крупномасштабных акций прямого действия, наподобие Сиэтла и Квебека. Каждая аффинити группа (в которой может быть от 4 до 20 человек) выбирает «представителя», уполномоченного высказываться от их лица перед большей группой. Только представитель может принимать участие в фактическом процессе поиска консенсуса на совете, но перед принятием главного решения люди разбиваются на аффинити группы вновь, и каждая группа приходит к консенсусу касательно того, какую позицию они хотят, чтобы их представитель занял (всё не так громоздко, как это, возможно, прозвучало). Брейкауты – это когда крупные собрания временно разбиваются на меньшие, фокусирующиеся на принятии решений или генерации предложений, которые затем могут быть представлены для одобрения всей груп-

Глобалистское движение?

Выражение «антиглобалистское движение» – это выдумка американских СМИ, и активистам всегда было не по себе из-за него. Поскольку движение не направлено против чего-либо конкретного, то одной из оппозиций можно назвать неолиберализм. Неолиберализм может быть определён как некоторый вид рыночного фундаментализма или, лучше сказать, рыночного сталинизма, придерживающегося мнения о том, что существует лишь одно единственное возможное направление развития человеческой истории. План находится в руках элиты из среды экономистов и корпоративных агентов, которым должна быть передана вся власть, некогда бывшая в руках институций, имевших хоть малейший намёк на демократическую подотчётность; с этого момента ей будут обладать посредством не избираемых договорных организаций, наподобие МВФ, ВТО и НАФТА. В Аргентине или Эстонии, или Тайване можно было бы прямо заявить: «Мы – движение против неолиберализма». Но в США терминология всегда становится проблемой. Корпоративные СМИ здесь, возможно, самые политически однородные на планете. Единственное, что здесь можно увидеть это неолиберализм – основа реальности. В результате, невозможно использовать мир само это слово. Сложные вопросы могут быть высказаны лишь с использованием терминов пропаганды, таких как «свободная торговля» или «свободный рынок», поэтому американские активисты оказываются в затруднительном положении. Если кто-то предлагает использовать «слово на букву Н» (как это часто называют) в брошюре или пресс-релизе, тотчас звонит тревожный колокольчик: он маргинален и старается только для образованной элиты. Были предприняты все попытки сформировать альтернативные выражения: мы «движение глобальной справедливости»,

мы движение «против корпоративной глобализации». Ни одна из них не оказалась особенно изящной или достаточно удовлетворительной и, как результат, на собраниях довольно часто можно услышать, как высказывающиеся используют термины «глобалистское движение» и «антиглобалистское движение» попеременно.

Выражение «глобалистское движение», в действительности, довольно уместно. Если воспринимать термин «глобалистское» в значении свободного передвижения людей, имущества, идей и стирания границ, то становится ясно, что движение не только само по себе является продуктом глобализации, но и большинство групп, вовлечённых в него – в частности, наиболее радикальные из них – гораздо более поддерживают глобализацию в целом, чем те же МВФ или ВТО. К примеру, именно международная сеть, носящая название «Народное глобальное действие» («People's Global Action»), выпустила призыв к таким действиям планетного масштаба, как J18 и N30 – последнее из которых является изначальным призывом к протестам против собрания ВТО в Сиэтле в 1999 г. В свою очередь, «Народное глобальное действие» обязано своим происхождением широко известной «Международной встрече за человечество и против неолиберализма» («International Encounter for Humanity and Against Neoliberalism»), прошедшей в августе 1996 г. в джунглях Чиапаса, утопавшего по колено в грязи во время сезона дождей, и инициированной, как выразился субкоманданте Маркос, «всеми повстанцами мира». Люди из более чем 50 стран стекались в удерживаемую сапатистами деревеньку Ла Реалидад. Видение «межконтинентальной сети сопротивления» было изложено во «Второй декларации Ла Реалидад»: «Мы объявляем, что мы создадим коллективную сеть из всех наших отдельных очагов борьбы и сопротивления, межконтинен-

рекроить всю повседневность целиком. Но в отличие от многих других форм радикализма, сперва оно занялось собственной организацией в политической сфере – главным образом потому, что именно эту территорию действующие политические силы (которые перевели всю свою тяжелую артиллерию в экономику) повсеместно покинули.

За прошедшие десятилетия активисты в Северной Америке потратили огромное количество творческой энергии на то, чтобы обновить и изменить внутренние процессы в своих собственных группах, создать жизнеспособные модели того, как могла бы функционировать прямая демократия. В этом, как я уже отметил, нас привлекают, в частности, примеры за пределами западной традиции, которые почти всегда основаны на процессах поиска консенсуса в гораздо большей степени, чем на мажоритарном голосовании. Результатом этого является то, что группы вооружены богатым и все разрастающимся набором организационных инструментов (советы делегатов, аффинити группы, инструменты фасилитации, брейкауты, обсуждение «аквариумом», принципиальное блокирование, вайб-вочеры (следящие за атмосферой) и т. д.), с целью создания форм демократического процесса, который позволил бы инициативе произрастать снизу и получить максимум эффективной солидарности без попыток задушить недовольные голоса, создания лидерских позиций или принуждения кого-либо к чему-либо, что они не согласились бы сделать по собственной воле.

Базовая идея процесса достижения консенсуса состоит в том, что, вместо того, чтобы голосовать, вы пытаетесь внести предложения, приемлемые для каждого – или, по крайней мере, не вызывающие ни у кого сильных возражений: сначала высказывается предложение, затем выясняют, какие есть опасения касательно этого предложения

ние ядерного оружия вселяет уверенность в то, что на всё больших пространствах земного шара из практических соображений традиционные методы ведения войны будут запрещены. И если война – здоровье государства, перспективы для самоорганизации в анархистском стиле будут только улучшаться.

Практика прямой демократии

Постоянные жалобы на глобалистское движение в прогрессивной прессе таковы, что оно, хотя и обладает превосходной тактикой, лишено какой-либо центральной идеи или внятной идеологии (похоже, левацкий аналог этому – то, как корпоративные медиа объявляют нас кучкой безмозглых подростков, спекулирующих набором совершенно не связанных друг с другом требований – освободить Мумию⁷, отменить долги, спасти девственные леса). Другая линия атаки – то, что движение подвержено полному неприятию любых форм структуры или организации. Мне больно писать это спустя два года после Сиэттла, но кто-то, очевидно, должен это сделать: суть движения, особенно в Северной Америке, в том, чтобы заново изобрести демократию. Оно не против организации. Его суть – в создании новых форм организации. В нём нет никакого недостатка идеологии. Эти самые новые формы организации и есть его идеология. Его суть в создании и введении в действие горизонтальных сетей вместо вертикальных структур, наподобие государств, партий или корпораций; сетей, основанных на принципах децентрализации, демократии неиерархического консенсуса. В конечном итоге, оно направлено на гораздо большее, потому что стремится пе-

⁷ Мумия Абу-Джамал – бывший активист Чёрных пантер, приговоренный к смертной казни за убийство офицера полиции. – прим. пер.

тальную сеть сопротивления против неолиберализма, межконтинентальную сеть сопротивления за человечество.»

Да будет это сеть из голосов, противостоящих
Власти, ведущей с ними войну.

Сеть голосов, что не только говорят, но также
противостоят и борются за человечество и
против неолиберализма.

Сеть, покрывающая пять континентов и помогающая
противостоять смерти, что Власть
обещает нам².

Это, как поясняет «Декларация», не будет «организационная структура; в ней нет центрального руководства или аппарата для принятия решений; в ней нет центрального командования или иерархий. Именно мы являемся сетью – все те, кто оказывает сопротивление».

В последующий год европейские сторонники сапатистов в группах «Ya Basta!» организовали второй encuentro в Испании, на котором идея сетевого процесса была взята на вооружение. «Народное глобальное действие» родилось на встрече в Женеве в феврале 1998 г. С самого начала оно включало в себя не только анархистские группы и радикальные профсоюзы Испании, Британии и Германии, но и «Лигу социалистических фермеров им. Ганди в Индии» («Gandhian socialist farmers' league in India», KRRS), ассоциации рыбаков Индонезии и Шри Ланки, аргентинский союз учителей, туземные группы, наподобие Маори в Новой Зеландии и Куна в Эквадоре, «Бразильское движение безземельных рабочих» («Brazilian Landless Workers'

² Прочитано Субкоманданте Маркосом во время заключительной сессии «Первого интернационального энкуэнтро» («First Intercontinental Encuentro») 3 августа 1996 г.: «Наш мир – наше оружие: избранные сочинения» (Our Word is Our Weapon: Selected Writings,

Movement»), сеть из сообществ, основанных сбежавшими рабами в Южной и Центральной Америках, и ряд других. На протяжении долгого времени Северная Америка была практически не представлена, за исключением «Союза канадских почтовых работников» («Canadian Postal Workers' Union»), действовавшего в качестве главного узла коммуникаций «Народного глобального действия» до тех пор, пока его повсеместно не заменил интернет; и анархистской группы под названием CLAC, центр которой разместился в Монреале.

Так как движение имело интернационалистские корни, его требования были соответствующими. Например, программа из трёх пунктов «Ya Basta!» в Италии включала такие требования как всеобщий гарантированный «базовый доход», глобальное гражданство, гарантирующее свободу перемещений через границы и свободный доступ к новым технологиям, что на практике означало бы наложение крайних ограничений на патентные права (сами по себе являющиеся чрезвычайно нелепой формой протекционизма). Сеть против границ – их девизом стало «Незаконных людей не бывает» («No One is Illegal») – организовала недельные лагеря, лаборатории для творческого сопротивления, на польско-германских и украинских границах, в Сицилии и в Тарифа в Испании. Активисты переодевались в пограничников, строили плавучие мосты через реку Одр и блокировали работу Франкфуртского аэропорта при участии полного состава симфонического оркестра в знак протеста против депортации иммигрантов (депортируемые умирали от удушья во время перелетов «Lufthansa» и «KLM»). Этим летом планируется устроить лагерь в Страсбурге, где находится «Шенгенская информационная система» («Schengen Information System»), база

Juana Ponce de León, ed., New York 2001).

К 1900 г. даже использование паспортов рассматривалось как отжившее себя варварство. «Короткий двадцатый век» был, в противоположность этому, вероятно, наиболее жестоким и исполненным насилия за всю человеческую историю, чуть меньше чем полностью посвященный либо ведению мировых войн, либо подготовке к ним. Неудивительно в этом случае, что анархизм вскоре начал казаться нереалистичным, если высшей мерой политической эффективности стала возможность содержания огромных механизированных машин для убийства. Это единственное, в чем анархисты по определению никогда не смогут преуспеть. Одновременно с тем неудивительно, что марксистские партии – которые всегда в этом даже чересчур преуспевали – в сравнении казались в высшей степени практически и реалистичными. Как только Холодная война закончилась и война между промышленно развитыми силами вновь стала казаться невыносимой, анархизм возродился на том самом месте, где он существовал в конце девятнадцатого века – в качестве международного движения в самом центре революционного левого течения.

В таком случае становится ясно, на что сделаны самые высокие ставки в текущей «антитеррористической» мобилизации. В краткосрочной перспективе всё выглядит весьма пугающе. Правительства, ещё до 11 сентября отчаянно пытавшиеся каким-либо образом убедить общественность в том, что мы террористы, теперь чувствуют, что им дали «carte blanche»; нет никакого сомнения в том, что множество хороших людей вскоре пострадают от ужасных репрессий. Но в долгосрочной перспективе возвращение к уровню жестокости и насилия, каким он был в двадцатом веке, попросту невозможно. Атаки 11 сентября были чем-то наподобие счастливой случайности (первый до безумия амбициозный террористический план в истории, который действительно сработал); распространение

жения, суть которого не столько в захвате государственной власти, но скорее в разоблачении, делегитимизации и демонтаже механизмов управления одновременно с отвоёвыванием у них всё большего пространства для автономии. Ключевым, однако, является то, что всё это возможно лишь в общей атмосфере мира. Фактически, кажется мне, именно на это сделана главная ставка в борьбе в данный момент: в борьбе, которая может определить общее направление для всего двадцать первого века. Следует помнить, что в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, когда большинство марксистских партий поспешно становились реформистскими социал-демократами, анархизм и анархо-синдикализм были центром революционного левого движения⁶. Ситуация действительно изменилась только с началом Первой мировой войны и Русской революции. Именно успех большевиков, твердят нам обычно, привел к упадку анархизма – за славным исключением Испании – и стремительно вывел коммунизм на передний план. Но, как мне кажется, на всё это можно посмотреть с другой стороны.

В конце девятнадцатого века большинство людей искренне верили, что война между промышленно развитыми мировыми силами начала изживать себя; колониальные приключения оставались константой, но война между Францией и Англией на французских или английских землях казалась столь же немислимой, сколь кажется сегодня.

⁶ «В 1905-1914 гг. в большинстве стран левые марксисты были крайней, примыкающей группой революционного движения, основная часть марксистов идентифицировалась с де-факто неревolutionными социал-демократами, в то время как основную массу революционных левых составляли анархо-синдикалисты, или по крайней мере те, кто был гораздо ближе к идеям и настроению анархо-синдикализма, нежели классического марксизма». Eric Hobsbawm, 'Bolshevism and the Anarchists', Revolutionaries, New York 1973, p. 61.

данных для поиска и управления с тысячами терминалов по всей Европе, чьей целью являются контроль за перемещениями мигрантов, активистов и кого им вздумается.

Всё чаще активисты пытаются привлечь внимание к тому факту, что неолиберальное понимание «глобализации» по большей части ограничено передвижением капитала или товаров и, в действительности, усиливает барьеры, сдерживающие потоки людей, информации и идей (например, размеры пограничной охраны в США увеличились почти в три раза с момента подписания NAFTA). В этом нет ничего удивительного. Начнём с того, что если бы не возможность эффективно удерживать большую часть населения земли доведённых до нищеты в специально отведённых для этого анклагах, то для «Nike» и «The Gap» не было бы смысла перемещать туда своё производство. В условиях свободного перемещения людей весь неолиберальный проект рухнул бы. Следует принимать это в расчёт, когда заходит речь об ослаблении так называемого «суверенитета» в современном мире: главным достижением национального государства за прошлое столетие стало образование равномерной сети строго контролируемых границ по всему миру. Именно против этой международной системы контроля мы боремся во имя истинной глобализации.

Эти взаимосвязи, а также более широкие связи между неолиберальной политикой и механизмами государственного принуждения (полиция, тюрьмы, армия), играют всё более заметную роль в нашем анализе, так как мы лично столкнулись со всевозрастающим уровнем государственных репрессий. Границы стали центральной проблемой в Европе во время встреч МВФ в Праге и позже во время встречи европейских лидеров в Ницце. Во время саммита «Свободной зона торговли Америк» («Free Trade Area of the Americas», ФТАА) в Квебеке прошлым летом невидимые ли-

нии, с которыми прежде обходились так, как если бы они не существовали (по крайней мере, для белых людей), за одну ночь превратили в тяжёлые укрепления против движения потенциальных граждан мира, желающих отстоять своё право обратиться к своим правителям. Трёхкилометровая «стена», сооружённая в центре Квебека и заслонившая главы государств, пирующих за ней вдалеке от народа, стала, выражаясь общепонятными словами, идеальным символом того, что неолиберализм значит в действительности. Появление Чёрного блока, вооруженного кусачками и абордажными крюками, к которому присоединялись все, начиная профсоюзом «Steelworkers»³ и заканчивая воинами племени Могавк, с целью уничтожить эту стену, стало одним из самых сильных моментов в истории движения⁴.

Существует, однако, одно разительное отличие между этим и более ранним интернационализмом. Прежний обычно заканчивался экспортом западных организационных моделей в остальные страны мира; в данном же случае течение идей, так или иначе, обернулось вспять. Многие, а возможно, и большинство ключевых методов движения, включая массовое ненасильственное гражданское неповиновение как таковое, возникли в странах глобального Юга. В долгосрочной перспективе, одно это может стать доказательством его радикальности.

Миллиардеры и клоуны

В СМИ корпораций слово «насильственный» твердят, словно какую-то мантру – постоянно и неизменно – когда

³ «Steelworkers» – крупнейший промышленный профсоюз в Северной Америке. – прим. пер.

⁴ Участие в её уничтожении стало наиболее воодушевляющим опытом в жизни автора.

«Мы думали, что люди либо не обратят на нас внимания, либо присоединятся к нам, чтобы сражаться. Но они не отреагировали ни одним из этих способов. Оказалось, что все эти люди, коих были тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, возможно, миллионы, не желали восстать вместе с нами, но... не хотели они и того, чтобы нас уничтожили. Они хотели, чтобы мы вели диалог. Это совершенно сломало наши схемы и вылилось в новое определение Сапатизма – Нео-Сапатизм»⁵.

На данный момент САНУ является подобием армии, организующей «вторжения» на Мексиканские военные базы, куда сотни полностью безоружных повстанцев врываются для того, чтобы криками пристыдить живущих там солдат. Схожим образом, массовые акции «Движения безземельных рабочих» («Landless Workers' Movement») заполучили огромный моральный авторитет в Бразилии после того, как они заняли вновь неиспользуемые земли совершенно ненасильственным путём. В любом из этих случаев довольно очевидно, что попытайся те же люди сделать нечто подобное двадцать лет назад, в них попросту начали бы стрелять.

Анархия и мир

Откуда бы вы ни решили вести отсчёт происхождения данных акций, все эти новые тактики находятся в совершенном соответствии с общим анархистским духом дви-

⁵ Interviewed by Yvon LeBot, Subcomandante Marcos: El Sueño Zapatista, Barcelona 1997, pp. 214–5; Bill Weinberg, Homage to Chiapas, London 2000, p. 188.

Земли» («Earth Liberation Front»), старательно избегают каких-либо действий, способных причинить вред людям (или животным, в данном случае). Именно подобное смешение традиционных понятий так сильно сбивает с толку силы правопорядка и доводит их до отчаяния в попытках вернуть всё в рамки понятного и знакомого (в рамки обычного насилия): до такой степени, что, например, в Генуе им пришлось провоцировать фашистов на организацию беспорядков для того, чтобы под этим предлогом использовать намного превосходящие силы против всех остальных.

Историю происхождения подобных форм акций можно легко проследить до трюков и партизанского театра Йиппи («Yippies» – от «Youth International Party», «Международная молодежная партия») или итальянских «Metropolitan Indians» шестидесятых, битв сквоттеров в Германии или Италии в семидесятые или восьмидесятые, даже крестьянского сопротивления против экспансии Токийского аэропорта. Но мне кажется, что здесь, опять же, решающим образом корни кроются в Сапатистском и других движениях глобального Юга. Во многих смыслах, Сапатистская армия национального освобождения («Zapatista Army of National Liberation», EZLN) представляет собой попытку людей, которым всегда отказывали в праве на ненасильственное гражданское сопротивление, наконец, получить его; по сути, раскрыть неолиберальный блеф и его претензии на демократизацию и уступчивость властей перед «гражданским сообществом». Со слов её командиров, что это армия, которая стремится перестать быть армией (чем-то вроде общеизвестного секрета стал тот факт, что на протяжении по крайней мере пяти последних лет они даже не носят с собой настоящие ружья). Так Маркос объясняет их отход от стандартной тактики партизанской войны:

бы ни состоялась какая-либо крупная акция: «насильственный протест», «насильственные столкновения», «полиция совершила налёт на штаб насильственных протестующих», даже «насильственные восстания» (а разве бывают другие?). Такие выражения обычно используются, когда простое нейтральное описание происходящего (люди бросают бомбочки из краски, разбивают окна пустых магазинов, держатся за руки, чтобы блокировать перекрёстки, а копы избивают их дубинками) может создать впечатление, что единственным насильственным участником действия является полиция. Американские СМИ, вероятно, больше других злоупотребляют этим, совершенно игнорируя тот факт, что по прошествии двух лет все возрастающего активного прямого действия, всё ещё невозможно отыскать хоть один пример того, чтобы какой-нибудь американский активист стал причиной чьих-либо телесных повреждений. Я бы сказал, что, если что-то и вызывает недовольство властей, то это не насилие со стороны движения, но его относительное отсутствие. Правительства попросту не знают, что делать с откровенно революционным движением, которое отказывается укладываться в знакомые схемы вооруженного восстания.

Стремление разрушить существующие парадигмы обычно является осознанным. Там, где раньше казалось, что единственными альтернативами маршам с плакатами были либо гандианское ненасильственное гражданское неповиновение, либо прямое восстание, такие группы как «Сеть прямого действия» («Direct Action Network»), «Верни себе улицы» («Reclaim the Streets»), «Черный блок» («Black Blocs») или «Tute Bianche», каждая по-своему, пытались наметить свой собственный путь. Они пытаются изобрести то, что можно было бы назвать новым языком гражданского неповиновения, сочетая элементы уличного театра, фестиваля и того, что можно было бы назвать ненасиль-

ственной борьбой – ненасильственной в том смысле, в каком это понимает, например, анархистский Чёрный блок, подразумевающая полный отказ от прямого физического насилия в отношении людей. «Ya Basta!», например, известна своими «Tute Bianche», или тактикой белых комбинезонов: мужчины и женщины одевались в тщательно продуманные подобию смягчителей или бамперов, варьирующихся от доспехов из пены до автомобильных камер или спасательных кругов в виде резиновых уточек, шлемов и белых химзащитных костюмов (их британские собратья – разодетые «Wombles»). Глядя на то, как эта дутая армия прокладывает свой путь через полицейский баррикады, защищая друг друга на протяжении всего своего пути от физических травм и арестов, кажется, что всё это нелепое обмундирование сводит человеческие существа до мультяшных персонажей – уродливых, нескладных, нелепых и, в общем-то, неубиваемых. Эффект лишь усиливается, когда ряды костюмированных фигур атакуют полицию воздушными шариками и водяными пистолетами или, как в случае с «Розовым блоком» («Pink Bloc») в Праге и повсеместно, разодетые феями, щекочут их метёлками от пыли, сделанными из перьев.

На Съездах американских партий («American Party Conventions»), группа «Миллиардеры за Буша (или Гора)» («Billionaires for Bush (or Gore)»), одетые в экстравагантные смокинги и вечерние платья, пытались засовывать пачки поддельных денег в карманы копам, благодаря их за подавление несогласных. Ни один из них ни в малейшей степени не пострадал – наверное, полиция подвергается терапии для выработки рефлекса отвращения против избиения кого-либо в смокингах. «Революционный анархистский клоунский блок» («Revolutionary Anarchist Clown Bloc») с высокими велосипедами, радужными париками и молотками-пищалками конфузили копов,

атакуя друг друга (или «миллиардеров»). Их кричалки были лучшими из лучших: «Демократия? Ха-ха-ха!» («Democracy? Ha Ha Ha!»), «Содружество пиццы непобедимо!» («The pizza united can never be defeated»), «Хэй-хо, хэй, хо-ха, ха, хе-хе!», наряду с мета-лозунгами «Призыв! Ответ! Призыв! Ответ!» («Call! Response! Call! Response!») и полюбившимся всем «Кричим Три Слова! Кричим Три Слова!» («Three Word Chant! Three Word Chant!»).

В Квебеке гигантская катапульта, построенная по средневековым чертежам при содействии левонастроенной части «Сообщества креативного анахронизма» («Society for Creative Anachronism»), забросала мягкими игрушками ФТАА («Free Trade Area of the Americas», «Свободная зона торговли Америк»). С целью адаптации под ненасильственные, но очень воинственные формы конфронтации, были изучены древние техники ведения боя: в Квебеке появились пельтасты и гоплиты (первые – главным образом, с островов Принц-Эдуард, последние – из Монреаля), после чего исследования продолжились стенами из щитов в романском стиле. Баррикадирование стало формой искусства: если через перекрёсток протянуть огромную сеть из нитей пряжи, пересечь его становится практически невозможным, и копы на мотоциклах попадают в них, словно мухи. «Марионетка Освобождения» («Liberation Puppet») своими вытянутыми руками способна заблокировать четырёхполосное шоссе, в то время как танцы со змеями могут стать формой мобильной блокады. Бунтующие в Лондоне на прошлый Первомай спланировали акции в духе игры в «Монополию»: постройка отелей в квартале Мэй-фэйр для бездомных, «Распродажа века» на Оксфорд стрит, партизанское садоводство – лишь частично сорванные усиленным полицейским патрулированием и проливными дождями. Но даже самые воинственно настроенные движения – эко-саботёры, наподобие «Фронта освобождения